

ЦИСФИНИТНАЯ ЛОГИКА И ЯЗЫК ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ

¹Одесский национальный политехнический университет

Цисфинитная логика как попытка обэриутов на выход за пределы схем восприятия мира, заданных научным знанием, да и культурой в целом, построенной на фундаменте рассудочного понимания природы и человеческой жизни.

Ключевые слова: *Обэриуты, цисфинитная логика, язык тернарного описания, система.*

Keywords: *“Oberiuts”, «logic cisfinitum», ternary description language, system.*

Вопрос о том, как заглянуть за границы феноменального мира в мир ноуменальный и что-то сказать о том, как устроен мир «сам по себе», всегда был болезненной проблемой философии. Всем памятна усилия, которые предпринимались в этом направлении И. Кантом или, например, М. Хайдеггером. Та же проблема остаётся мучительной и для логики. Вот что, в частности, пишет Дж. Бреннер: «Логика и метафизика начинались в античности как средства рассуждений о природе, или о действительности. Однако относительно рано логика развилась просто в инструмент для определения истинности или ложности предложений. Дедуктивное рассуждение, *по сути*, было отделено как от процессов научного вывода, так и от обычного опыта. Ныне самое общее определение логики состоит в том, что ее считают аналитической теорией, предназначенной для формализации принципов правильного рассуждения, также как и теорией, способной обеспечить интуицию в процессе обоснования математики» [9, p. 1].

Одной из попыток прорвать этот логико-философский горизонт была в свое время так называемая «цисфинитная логика». Неологизм «цисфинитная» никак не переводится, его придумал Д. И. Хармс (Ювачев) для обозначения той установки, которой придерживался кружок обэриутов (по умышленно искаженному названию ОБЭРИУ – Объединения реального искусства, созданного в 1927 году). Кроме Хармса, в кружок входили (или более или менее с ним духовно пересекались) математик, философ, теолог и музыковед Я. С. Друскин, который, по-видимому, был инициатором «цисфинитных» размышлений, философ Л. С. Липавский, поэты А. В. Туфанов, Н. М. Олейников и А. И. Введенский, художники К. С. Малевич и М. В. Матюшин. Возможно, предлагая термин, Хармс имел в виду греческое слово *kystis* – пузырь (отсюда – «цистит»). Хармса занимали окружность, круг и сфера как символы совершенства. Соответственно, его интересовал и «ноль», отличаемый Хармсом от продолговатого «нуля». Через ноль цисфинитная логика стремилась осмыслить бесконечность, которая в пределе совпадает с бесконечным небытием («цисфинитной пустотой» [3, с. 94]) и абсолютным равновесием.

Но дело, собственно, не в названии. За ним скрывалась установка обэриутов на выход за пределы схем восприятия мира, заданных научным знанием, да и культурой в целом, построенной на фундаменте рассудочного понимания природы и человеческой жизни. (Ничто не мешает назвать эту программу поиска языка для выражения невыразимого идеей «деконструкции», но не забудем, что Ж. Деррида, предложивший этот термин, родился в 1930 г., когда обэриуты деконструкцией уже реально занимались).

Обэриуты полагали: к тому, что находится «за умом» (буквально – «заумь», к тому, чем интересовались эти «заумники»), нет другого пути, кроме как попытаться описать собственное «видение невидения» – так Я. Друскин назвал одну из своих философско-теологических работ [2]. Или медитировать и попытаться сразу опереться на интуицию, т. е. дожидаться визита «вестников». В терминологии Липавского [3, с. 123]) вестники – это не ангелы, но сотворенные существа, обитающие то ли в параллельных (жидком, газообразном, ментальном) мирах, то ли в промежуточном между Богом и людьми мире: они-то как раз могут увидеть невидимое и распознать мир «сам по себе». Привычная логика требует рассматривать предметы по частям, а для целостного восприятия пространства, света, цвета и формы необходимо искусство, в особенности, если оно опирается на искусство «расширенного смотрения» с помощью «затылочного зрения» – не на 90°, а на все 360° (эту технологию видения разрабатывал Матюшин).

Хармс, несомненно, осознавая трудности выхода за пределы научного языка и привычного языка вообще, записывает в своей тетради (датировано 1927 годом):

«1. Значение всякого предмета многообразно. Уничтожая все значения кроме одного, мы тем самым делаем данный предмет невозможным. Уничтожая и это последнее значение, мы уничтожаем и само существование предмета.

2. Всякий предмет (неодушевленный и созданный человеком) обладает четырьмя РАБОЧИМИ значениями и ПЯТЫМ СУЩИМ значением.

Первые четыре суть: 1) начертательное значение (геометрическое), 2) целевое значение (утилитарное), 3) значение эмоционального воздействия на человека, 4) значение эстетического воздействия на человека. Пятое значение определяется фактом существования предмета. Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. <...>

3. Человек, вступая в общение с предметом, исследует его четыре рабочих значения. При помощи их предмет укладывается в сознании человека, где и живет. <...> Человек же наблюдающий совокупность предметов, лишенных всех четырех рабочих значений, перестал быть наблюдателем, превратясь в предмет созданный им самим. Себе он приписывает пятое значение своего существования.

4. Пятым, сущим значением предмет обладает только вне человека, т.е. теряя отца, дом и почву. Такой предмет "РЕЕТ"». [7, с. 114]

В своем пятом значении «реющий» мир не знает ни обобщений, ни упорядоченности, ни дискретности – таких, которые им приписывает наш рассудок. Еще в те времена, когда Ж. Делез и Ф. Гваттари, авторы известной «номадологии», только родились, обэриуты уже, фактически, предлагали нечто, подобное *ризоме* – как того, что моделирует образ природы и жизни лучше, чем логические схемы. Но только вместо клубней растений они предлагали другие образы – медузы, живущей в жидкой среде (у Липавского), или обычных деревьев и травы (у Друскина и Хармса). А чтобы выразить эту непрерывность и случайность в природе, надо научиться мыслить текуче. И. Хармс записывает в своей тетради (1930 г):

«IX утверждение. Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей <...>.

X утверждение. Один человек думает логически; много людей думают текуче.

XI утверждение. Я хоть и один, а думаю текуче» [7, с. 113].

Интересно, что Хармс никогда не упоминает ни Гегеля, ни «диалектическую логику», которая эту *текучесть*, казалось бы, должна отображать. По-видимому, уже к 1930 г. Хармс приходит к удручающему

выводу о том, что цисфинитная логика в качестве методологического средства не реализуема, она «терпит крах» и как «метод» нового искусства [3, с. 63]. Однако это не мешало ей оставаться набором интересных мировоззренческих постулатов. Среди них – идея о совпадении *бесконечности* и *ничто*, о господстве *равновесия* (слово «энтропия» не упоминается), которое должно «чуть-чуть» нарушаться, чтобы возникало что-то новое (а теперь синергетика указывает на случайности, которые влекут точки бифуркации и новые аттракторы системы вдали от равновесия). Цисфинитная логика столкнулась с невозможностью говорить о *количестве* в терминах, описывающих природу вещей, а только структурными терминами, через понятия свойства и отношения. А онтологическая модель бесконечного *множества всех чисел* Хармсом виделась не в виде прямой числовой оси, а как окружность («круг», по Хармсу) – начиная не от пифагорейской единицы, а от нуля и до точки ω , либо же – для дробных значений – от нуля до единицы. Поднимался и вопрос о неколичественном измерении, и об относительности этой процедуры («Измерение вещей» – [7, с. 105-109]). Столь же релятивистски решался и старый парадокс о модусах *времени*: прошлого уже нет, будущего еще нет, а «настоящее» уходит в бесконечное небытие, во все тот же цисфинитный ноль.

Однако всё это не избавляло от мучительного вывода о невозможности решить проблему *смысла* бытия онтологически. Мир, при малейшей попытке его исследовать, всегда оказывается «М*ы*ром» – нам никак не удастся исключить из него самих себя: «<...> А потом я понял, что я и есть мир. / Но мир это не я. / Хотя, в то же время, я мир. / А мир не я. / А я мир. <...>» [7, с. 111]

Невозможность избавиться от самих себя и всеобщая относительность обнаруживаются уже на самой границе между словесным языком и языком жестов, в элементарном и, по-видимому, врожденном, акте – ведь он доступен не только человеку, но и животным, – в простом указании предмета. Примерно в то же время (1930 г.) Хармс пишет стихотворение «Нетеперь» [7, с. 123]. Привожу его начало (авторское правописание сохраняется, нумерация суждений моя – А.Ц.):

НЕТЕПЕРЬ

<i>Это есть Это.</i>	(1)
<i>То есть То.</i>	(2)
<i>Это не то.</i>	(3)
<i>Это не есть не это.</i>	(4)
<i>Остальное либо это либо не это.</i>	(5)
<i>Все либо то либо не то.</i>	(6)
<i>Что ни то и ни это, то ни это и не то.</i>	(7)
<i>Что то и это, то и себе САМО.</i>	(8)
<i>Что себе Само, то может быть то, да не
это, либо это, да не то.</i>	(9)
<i>Это ушло в то, а то ушло в это. <...></i>	(10)

Примечательно, что мыслитель совсем иной жизненной судьбы, чем поэт Хармс и философ Друскин, а именно Л. Витгенштейн, также много внимания уделял указательному местоимению «это» [1, с. 97-103], по-видимому, полагая его фундаментальным для человеческого мышления: «379. Сначала я удостоверяюсь, что нечто есть *это*; а затем вспоминаю, как оно называется» [1, с. 201]. Именно это обстоятельство наводит на размышление о том, что обэриуты (как, впрочем, и Витгенштейн) прошли свой

путь не до конца. Поиск предельных оснований логики и по сей день продолжается. Если не удастся воспользоваться услугами «вестников», то нельзя ли хотя бы опереться на такую логику, которая в максимальной степени приспособлена для рассуждений о неопределенностях и способна улавливать относительность *этого* и *того*, *отличного от этого*, и от (бесконечно!) *любого*? При этом такая логика должна бы еще позволять описывать *целостность* предметов своего анализа.

По-видимому, данным требованиям, если не полностью, то в весьма значительной мере, удовлетворяет одно из современных неклассических исчислений – язык тернарного описания (ЯТО) [6]. (Разумеется, данное исчисление возникло совершенно независимо от обэриутов). Этот язык создавался в интересах формального обеспечения общей параметрической теории систем, а, значит, он призван отображать и искомую обэриутами целостность вообще, и различные степени этой целостности. Здесь не место подробно говорить об особенностях ЯТО, они неоднократно анализировались (См., в частности, [4]). Отмечу только, что данное исчисление дает надежду на относительно строгое выражение понятий множества, количества и числа [8], в нем как раз возможно представление времени с одним единственным модусом [5], что так занимало обэриутов.

Но обратимся еще раз к стихотворению «Нетеперь». Удивительно, но, по крайней мере, его первые строчки могли бы претендовать на включение в аксиоматику ЯТО. Суждение (1) «*Это есть Это*» совершенно адекватно выражается формулой $(t \Rightarrow t)T$. Здесь t – символ *определенной*, т. е. указанной с помощью определенного артикля или соответствующего указательного местоимения, вещи, двойная стрелка – одна из разновидностей импликации – атрибутивная, она читается как «есть», «является». а T – символ истинности. Соответственно, (2) выражается как $(t' \Rightarrow t')T$, где t' – это «некоторая вещь, отличная от определенной, наперед заданной вещи. Суждение (3) имеет такой вид: $(t \Rightarrow t')F$; здесь F – символ ложности. В стихе же (4) говорится, что указанная вещь не является не только какой-нибудь вещью, отличной от нее (t'), но и, вообще, отличной от t произвольной вещью – (обозначается как T'): $(t \Rightarrow T')F$

А вот попытка прямого формального выражения суждения (5) заставляет подозревать двусмысленность у Хармса. В самом деле, если «остальное» понимать как «что угодно, кроме данного предмета» (то есть T'), то оно, это *остальное*, никак не может оказаться *этим* предметом, а только *не этим*. Если же «остальное» трактовать как ложность связанного списка (он – аналог конъюнкции и изображается точкой) между t и t' , то суждение примет такой вид: $\{(t \cdot t')F\} \rightarrow \{ \{(t)T \vee (t)F\} \cdot \{(t')T \vee (t')F\} \}$. Обычной (т. е. одинарной) стрелкой в ЯТО обозначается обобщение всех видов импликации. Эта «нейтральная» импликация читается как «если..., то...», а \vee – знак дизъюнкции. Однако у Хармса и Друскина «остальное» вполне могло иметь смысл *момента перехода* («препятствия», «равновесия с небольшой погрешностью») от «этого» к «другому» – что-то вроде цисфинитного ноля между отрицательными и положительными числами, который трактовался как лишенные какой-либо симметрии небытие, бесконечность и Бог. Тогда суждение (5) на ЯТО вряд ли переводимо. Что же касается стиха (6), то если в нем слово «всё» трактовать не в собирательном смысле, а как «произвольную вещь», тогда мысль Хармса прозрачна: $(A \Rightarrow (t \vee t'))T$. Здесь A – произвольная вещь.

Все последующие стихи (7)-(10) и далее по ходу стихотворения принципиально выразимы, но некоторые требуют контекстуальных уточнений. Так, в стихах (8) и (9) потребуют разъяснений слово

САМО: похоже, что в тетрадных записях Хармса оно трактуется в духе индетерминизма, но заметим, что в ЯТО классический детерминизм никак не предполагается. В стихе (10) речь идет о взаимной переходности категорий «определенное» и «неопределенное», об их лишь функциональном различии, но как раз это – один из базовых принципов построения ЯТО.

Разумеется, сказанное не означает, что расположенные в столбик формулы ЯТО можно будет прочитать как стихотворение. Зато этот язык позволяет сформулировать куда как более сложные, чем у Хармса, конструкции сочетания «этого» и «того».

Итак, цисфинитная логика как логика оказалась незавершенной. Но она была для ее создателей особым способом *понимания* (художественного восприятия) того, что оказалось за пределами традиционных способов познания мира. Обэриуты вплотную подходили к созданию нового логического исчисления, но остановились (или их остановили!), так и не решив эту задачу. Обнаружено, что граница выразимого в языке пролегает как раз там, где начинается указание определенных и неопределенных вещей. Именно с этого начинается ЯТО и именно это дает надежду на то, что данный язык касается наиболее фундаментальных оснований нашего знания.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / Витгенштейн Людвиг / Пер с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева // Философские работы.– Ч. 1.– М.: Гнозис, 1994.– С. 75-319.
2. Друскин Я. С. Видение невидения. / Друскин Яков Семенович // Зазеркалье. Альманах II.– СПб, 1995.– 175 с.
3. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Жаккар Жан-Филипп. / Пер с фр. Ф. А. Перовской – СПб: Академический проект, 1995.– 471 с.
4. Леоненко Л. Л. Язык тернарного описания / Леоненко Леонид Леонидович // Философские исследования.– 2000.– С. 118-141. ()
5. Любинская Л. Н., Фалько В. И.. Одномодусная логика времени А. И. Уёмова и актуальные проблемы темпорологии / Любинская Лада Николаевна, Фалько Владимир Иванович // Параметрическая общая теория систем и ее применения. Сб. трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова. / Под ред. А. Ю. Цофнаса. – Одесса: Астропринт, 2008. – 248 с. ()
6. Уёмов А. И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем / Уёмов Авенир Иванович // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1984.– М., 1984.– С. 152-180; Uyemov Avenir I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory // Int. J. General Systems. – Part 1. – 1999. – Vol. 28 (4-5). – Pp. 351-366; Part 2. – 2002. – Vol. 31 (2). – Pp. 131-151; Part 3. – 2003. – Vol. 32(6), Pp.583 – 623.
7. Хармс Д. И. О времени, о пространстве, о существовании / Хармс Даниил Иванович / Публикация А. Герасимовой // Логос.– 1993.– № 4.– С. 102-124.
8. Цофнас А. Ю. Вопрос о природе числа не имеет значения // Философия математики: актуальные проблемы. Математика и реальность. Третья всероссийская научная конференция, 27-28 сентября 2013 г. – Москва: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. –С. 103 – 106.
9. Brenner J. E. Logic in Reality / Brenner Joseph E. – International Center for Transdisciplinary Research.– Paris, France, 2008. – XXII + 377 p.